

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пудовочкин Ю. Е.,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, (г. Москва)
доктор юридических наук, профессор

Бабаев М. М.,
главный научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, (г. Москва)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,

Ключевые слова: преступление, критерии криминализации, правовая неопределенность, общественная опасность, измерение общественной опасности, противоправность, отраслевая принадлежность правонарушения.

Аннотация: Современные исследования в области уголовного права не могут игнорировать новейшие достижения философии науки, в том числе методологические возможности категории неопределенности. С позиций правовой неопределенности в настоящее время должны быть переоценены все основные категории уголовного права. Настоящая публикация раскрывает проблематику неопределенности преступления. Установлено, что неопределенность проявляет себя в нескольких направлениях: при криминализации общественно опасных деяний, оценке параметров общественной опасности преступления, установлении отраслевой принадлежности правонарушения.

Keywords: crime, criteria of criminalization, law indeterminacy, socially dangerous, illegality, sectional delict attachment.

The summary: Modern researches at directions of criminal law can't disregard new achievement of philosophy, including methodological facilities category of indeterminacy. Form the law indeterminacy attitude in the present time must be overrated all criminal law categories. This paper unlocks problem of indeterminacy of crime. It was established that indeterminacy manifested at follow directions: in criminalization of socially dangerous acts, in estimation of social dangerous, in ascertainment of sectional delict attachment.

Преступление не без оснований считается центральной категорией уголовного права. Именно вокруг нее и на основе нее формируется и реализуется весь комплекс нормативных предписаний, составляющих содержание нашей отрасли права. Характеристике понятия преступления, его признаков и специфических особенностей посвящено множество научных публикаций и, тем не менее, сказать определенно, что есть преступление, не представляется возможным. Одна из причин этого, как ни

странно это звучит, заключается в недооценке методологических возможностей категории «неопределенность» в праве. Исследование преступления в контексте неопределенности позволяет обнаружить и по-новому рассмотреть несколько значимых аспектов его правовой природы и юридической конструкции.

Неопределенность исходных начал криминализации. «Отбор» тех или иных деяний, признание их общественно опасными и официальное закрепление в качестве преступлений

(криминализация) составляет, как известно, важнейшее направление уголовной политики государства. При этом, пожалуй, лишь этап официального закрепления деяния в законе лишен явных элементов оценочности (хотя и здесь они не исключаются, например, при выборе тех или иных технических приемов описания признаков состава преступления в уголовно-правовой норме). Два первых этапа работы – выбор и оценка деяния – являют собой яркий пример подчеркнуто оценочной деятельности.

Как и всякая оценка, они не лишены субъективизма, конъюнктурных соображений, а порой и ошибок. В связи с этим особое значение приобретает вопрос об основаниях, критериях, принципах, правилах криминализации.

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений сформулировал значимые положения, которые сегодня справедливо рассматривать в качестве определенных правил криминализации¹. Их наличие, а также признаваемая большинством специалистов доктрина криминализации общественно опасных деяний, в сочетании с особой, установленной для федеральных законов, процедурой принятия решений, дают некоторые гарантии того, что криминализация в целом является объективной и адекватно отражает как спектр существующих угроз, так и потребности личности, общества и государства в обеспечении безопасности.

Однако факт того, что границы преступного определяются законодателем «субъективно», дал основание некоторым специалистам утверждать, что «в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis*, *per se*. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные») – как «договарятся» законодателя, они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии»².

Признак конвенциональности в характеристике преступления проявляется не только в несовпадении круга преступных деяний в разных странах в одно и то же время, но и в изменении нормативного объема деяний, признаваемых преступными; зависимости законодательных решений о криминализации не только от объективной динамики экономических и социальных отношений, но также от политического режима, идеологических установок власти и многих иных факторов, составляющих сферу политического.

Развивая эту мысль, Д.А. Шестаков не без оснований утверждает, что реальная общественная опасность и формальная закреплённость того или иного деяния в нормах уголовного закона могут находиться в различных соотношениях. В связи с чем автор выделяет:

– криминологическое понятие преступления как виновного деяния, представляющего для общества значительную опасность, безотносительного к признанию его в качестве такового законом;

– узкоюридическое понятие преступления как деяния, преступность и наказуемость которого установлена законом;

– мнимое преступление, как деяние, не обладающее общественной опасностью, но запрещенное уголовным законом под угрозой наказания³.

Такие объективно неизбежные несовпадения в реальной жизни сочетаются еще с одним проявлением оценочного характера общественной опасности. Речь идет об известной относительности, релятивности практически любых социальных оценок.

Современное общество – не есть монолит, скованный религиозными или партийными догмами. Оно переживает ряд фундаментальных трансформаций, отражающихся на его структурной, ценностной, властной и иных характеристиках, которые уже стали предметом детального анализа в работах социологов и футурологов, однако еще не в полной мере проанализированы представителями уголовно-правовой науки. В числе таких трансформаций наиболее значимыми в контексте исследуемой проблематики надо назвать:

– фрагментаризацию общества, его сегментацию на множество малочисленных социальных групп, объединенных на основе все более индивидуализирующихся потребностей;

– разрушение единой, универсальной системы ценностей, становление множества параллельных ценностных иерархий, убыстряющиеся темпы оборота ценностей.

Как известно, любое преступление можно и должно рассматривать в качестве посяательства на те или иные ценности, которые признаются и разделяются большинством общества, создающего уголовное право. Именно этот тезис обеспечивает универсальное восприятие преступления общественным сознанием и оправдывает, легитимирует государственное насилие в отношении преступника. Если же общество теряет качество монолитности, если множатся мелкие социальные группы исповедуют различные системы ценностей, форми-

рование номенклатуры преступлений значительно усложняется, в первую очередь, по причине отсутствия консенсуса в определении того или иного деяния как общественно опасного.

Не боясь преувеличений, констатировать, что сфера криминализации представляет сегодня обширную область неопределенности, компонентами которой выступают, как минимум:

- неопределенность содержания и иерархии социальных ценностей, которые согласованно требуют защиты уголовно-правовыми средствами,

- неопределенность критериев для оценки тех или иных деяний в качестве общественно опасных,

- неопределенность целей, ради которых деяния признаются общественно опасными и преступными,

- неопределенность круга субъектов, продвигающих и защищающих свои интересы посредством принятия криминализационных решений.

Неопределенность критериев общественной опасности. Общественная опасность, как главный критерий криминализации общественно опасных деяний и их категоризации на виды в структуре уголовного закона, есть категория оценочная, и от того в современных условиях – подчеркнуто неопределенная. Наука и судебная практика ставят своей приоритетной задачей снять эту неопределенность, конкретизировать представления об опасности, сделать эту категорию в большей степени инструментальной для решения задач уголовной политики и уголовного права.

Некоторым итогом этих совместных усилий можно считать ставший традиционным взгляд на оценку общественной опасности через призму двух ее показателей – характера и степени, отраженный в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁴.

Казалось бы, все вполне определено. Однако более пристальный взгляд на проблему позволяет выявить некоторые обстоятельства, подрывающие убедительность построений или в любом случае доказывающие, что такая конкретизация сама нуждается в дополнительных разъяснениях.

Не является секретом, что оценка деяния как общественно опасного происходит на двух уровнях: на уровне законодателя при принятии решения о криминализации и на уровне правоприменителя при решении вопроса о выборе

оптимальной формы реализации ответственности субъекта. Промежуточным уровнем (или этапом) оценки можно считать нормативную дифференциацию преступлений по уровню общественной опасности (с ныне предусмотренной возможностью ее судебной корректировки). Соответственно этим уровням, сама оценка общественной опасности происходит на основе несовпадающих критериев.

При оценке общественной опасности деяний на этапе криминализации и субъекты, и параметры, и критерии оценки имеют существенно большую вариативность, нежели отмечено выше. Здесь шире спектр возможностей, больше рисков, в том числе риска неправильных оценок опасности.

Можно утверждать, что на этом этапе происходит не столько собственно оценка общественной опасности, сколько формирование представлений о ее наличии; выражаясь языком постмодернизма, происходит конструирование общественной опасности. И поскольку вывод о наличии опасности здесь только предполагается, он, по логике вещей, не может формироваться на основе критериев самой опасности. Общественная опасность не дана нам «в ощущениях», у нас нет ни эталона, ни модели общественной опасности, с которым можно было бы сравнить поступок, подлежащий криминализации, для того, чтобы сделать умозаключение о необходимости его закрепления в уголовном законе.

Следовательно, критерии оценки деяния как опасного отличаются от оценки деяния признанного опасным. Представляется, что наиболее точное понимание исследуемого аспекта оценки общественной опасности было предложено А.Э. Жалинским. Он писал, что «интегральными, системными показателями общественной опасности являются: а) характер, потенциальная ценность и социальная уязвимость охраняемого правового блага, взятого как обобщенное целое, отраженное в единой модели; б) интенсивность посягательства; в) социальная непереносимость преступления»⁵. Действительно, ценность объекта и терпимость общества в отношении посягательств на него – вот ориентиры для принятия решения о криминализации. Но очевидно также, что сами эти ориентиры весьма неопределенны и сугубо оценочны.

В такой ситуации результат оценки во многом зависит от мировосприятия субъекта принятия решения, а также от его представлений о собственной безопасности. При этом чем «ближе» субъект принятия решения к обще-

ству, к «рядовым гражданам», чем теснее совпадают их оценки происходящего, тем более социально обусловленным будет уголовно-правовой запрет.

Неопределенность критериев оценки опасности проявляется и на уровне категоризации преступлений по степени общественной опасности. Сегодня зримо представлены в ст. 15 УК РФ лишь два критерия градации преступлений: размер санкции и форма вины. Но, во-первых, санкция производна от общественной опасности, а во-вторых, нет никаких правил корреляции между уровнем опасности и санкцией (ее вариативностью, размером). Как следствие, и возможны, и реально проявляют себя на практике (вспомним Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) ситуации, когда, что называется «росчерком пера» группа самых разных преступлений, за совершение которых установлено одинаковое максимальное наказание, переводится из одной категории в другую, без учета объекта, последствий преступления и других факторов, с которыми собственно и должна быть связана оценка их общественной опасности. Равно как вызванное какими-либо (в том числе эмоциональными) обстоятельствами повышение санкции мгновенно переводит преступление в иную категорию.

Что касается оценки общественной опасности уже криминализированного деяния на уровне конкретного акта правоприменения, то она здесь подчинена иным целям (принятие справедливого решения о мере ответственности конкретного лица) и учитывает иные факторы. Пленум Верховного Суда РФ указал, какие именно. Не будем вступать в дискуссию, относительно того, насколько удачно описаны эти факторы, насколько верно разведены сами показатели характера и степени опасности, насколько, в принципе, целесообразно выделять эти два показателя и т.д. Возьмем за данность, что такой подход отражает согласованное мнение профессионального сообщества о критериях измерения общественной опасности преступления. Но обратим внимание лишь на то, что высшая судебная инстанция указала только сами факторы, но не предложила критериев для их оценки. К примеру, форма вины и виды умысла или неосторожности – это критерии оценки опасности деяния, но каковы критерии оценки самих видов вины? Оправданно ли здесь утверждение, что преступление с прямым умыслом всегда более опасно, нежели преступление, совершенное по легкомыслию? Или такой показатель опасности, как характер последствий и их размер. Чем определяется характер

последствий высшая судебная инстанция умалчивает, это вообще относительно новый и непривычный термин. И каковы критерии оценки размера последствий? Перечень вопросов можно продолжать долго. Факт остается фактом: критерии оценки оценочной категории общественной опасности сами по себе являются оценочными понятиями с неопределенными параметрами оценки (тавтология здесь намеренная).

Каждый такой критерий (а их список в постановлении не может быть признан исчерпывающим, что дополнительно усугубляет проблему), как правило, имеет две крайние точки, задающие своего рода континуум, в рамках которого и надлежит дать ему оценку. Но у нас нет инструментов для оценки этого критерия и нет «шага» для оценки.

Кроме того, есть основания полагать, что при бесконечном диапазоне оценки каждого из критериев имеются все же некоторые границы, преодоление которых, хотя и оказывает формальное влияние на общественную опасность преступления, тем не менее, не оказывает влияния на виды и размеры уголовного наказания. Это связано не только с ограниченностью самого уголовного наказания законодательными рамками, невозможность назначать его в беспредельных масштабах. Это связано еще и с тем, что по достижении некоторой границы опасности деяние перестает восприниматься как выходящее за эту границу. К примеру, убийство трех лиц существенно отличается от убийства одного человека, но различие восприятия убийств 19 и 23 человек вряд ли будут столь заметны; кража миллиона рублей заметно отличается от кражи миллиарда, но различия между кражей 400 и 600 миллионов рублей вряд ли ощутимы. Можно предположить, что наш аппарат восприятия и оценки общественной опасности (по аналогии со слуховым аппаратом) настроен на восприятие некоторого диапазона опасности, причем этот диапазон специфичен для каждого вида преступления. Здесь есть и некий «порог слышимости», за которым деяния не воспринимаются как опасные, и своего рода «болевого порога», преодоление которого уже не влияет на нашу способность дифференцировать оценку опасности для решения уголовно-правовых задач.

Проблема неопределенности видится в том, что мы не знаем ни границ этого диапазона, ни единицы измерения общественной опасности каждого отдельного деяния в рамках этих границ. Представляется, что таковая оценка, по большей части, осуществляется

субъективно и интуитивно, при руководстве трудно поддающихся верификации факторов.

Неопределенность уголовно-правовой сферы. Значимым аспектом неопределенности в толковании преступления выступает тот, что связан с выбором законодателем того или иного отраслевого закона для закрепления признаков общественно опасного деяния. Наиболее ярко проблема такого выбора возникает, когда речь заходит об отнесении деяния к уголовному или административно-деликтному законодательству, причем она многократно усложняется в свете концепции уголовной сферы, разработанной в практике Европейского Суда по правам человека и признанной отечественным Конституционным Судом.

Если поставить традиционный вопрос: на основании каких критериев законодатель относит деяние не к административным проступкам, а именно к преступлениям, на него можно получить стандартный ответ: на основании показателей характера и степени общественной опасности. Но неудовлетворительность такого ответа подтверждается рассмотренным свойством неопределенности самой общественной опасности. Мы не обладаем ни системой измерения общественной опасности, ни математически выверенными представлениями о том, какой уровень опасности достаточен для административно-деликтного права, а какой требует подключения уголовно-правовых мер реагирования и предупреждения.

Практика Европейского Суда по правам человека в части определения критериев уголовной сферы не вносит здесь ясности. С одной стороны, она меняет устоявшиеся представления о разграничении преступлений и проступков. Но, с другой стороны, будучи подчиненной цели обеспечения надлежащих гарантий прав обвиняемого в рамках любого публичного процесса, она в большей степени направлена на выяснение общих признаков преступления и проступка, нежели на их надлежащую дифференциацию.

При отнесении противоправного деяния к уголовной сфере в европейской практике в расчет принимаются: а) характер правонарушения, совершение которого является основанием ответственности (в частности, Суд указывал, что уголовно-правовой запрет, как правило, адресован неопределенному кругу лиц); б) характер и строгость наказания (согласно позиции Суда, уголовное наказание имеет карательную и предупредительную, но не восстановительную цели, причем оно не обязательно связано с лишением свободы⁶. Эти критерии общности преступлений и проступков были разработаны

в качестве определенной системы сдержек и противовесов непрерываемой в принципе свободе усмотрения государства при отнесении тех или иных деяний к числу преступлений или проступков. Злоупотребление этой свободой создавало возможность для государства произвольно менять отраслевую принадлежность опасных деяний и вместе с этим также произвольно устанавливать гарантии защиты об обвинения. Европейский Суд по правам человека поставил заслон на пути таких нарушений.

Используя критерии уголовной сферы, можно обособить некоторую группу деяний, требующих повышенных гарантий при обвинении в их совершении. Но концепция не создает правил разграничения преступлений и проступков, не содержит критериев их дифференциации. Для Европейского Суда по правам человека они не представляют особого интереса, а то и вовсе не имеют значения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, насколько целесообразна принятая в России градация общественно опасных деяний на преступления и проступки и насколько продуктивен непрекращающийся поиск оснований их разграничения. Принимая обязательства по обеспечению равных гарантий обвиняемым в преступлениях и проступках, мы тем не менее, держимся своего права определять различную отраслевую принадлежность опасных деяний, сохраняя известный очаг неопределенности и субъективного выбора.

Более того, можно утверждать, что мы сознательно эту зону неопределенности множим, когда создаем правовые механизмы, позволяющие применять меры административной ответственности в случае совершения преступлений (известный советскому праву институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности) или напротив, применять меры уголовной ответственности в случае повторного совершения административного проступка. В нашу задачу сейчас не входит анализ и оценка этих правовых конструкций. Нам важнее признать, что они, с одной стороны, порождаются неопределенностью в оценке общественной опасности деяний, а с другой стороны, выступают в качестве своего рода ответа на эту неопределенность, создавая возможность выбора адекватного ситуации вида противоправности деяния. При этом отметим, что сама постановка вопроса о выборе вида противоправности на этапе применения закона нуждается в дополнительной аргументации.

Неопределенность отраслевой противоправности. Оценка законодателем общественной опасности деяния находит свое непосредственное выражение в тексте нормативных актов при описании тех или иных составов правонарушений. От того, насколько точно проведена эта оценка и насколько адекватно ее результат описан в законе зависит решение вопроса об отраслевой принадлежности подлежащей применению правовой нормы. Очевидно также, что и на этапе оценки опасности деяния, и на этапе ее словесного выражения в законе возможны неточности, заблуждения, дефекты и сознательные ошибки, которые вносят неясность в понимание правовой природы этого деяния, что порождает произвольное толкование правовых норм со всеми его негативными спутниками.

На конституционном уровне вопросы определенности правовых норм в свете установления противоправности деяния поднимались и рассматривались неоднократно. Можно выделить несколько проблемных ситуаций.

Первая заключается в том, что описание признаков общественной опасности деяния в законе настолько некачественно в силу своей неопределенности, что позволяет привлекать к ответственности за деяния, лишь формально отвечающие признакам состава, описанного в законе. Как следствие, противоправное деяние устанавливает там, где его в принципе нет. Приведем в подтверждение лишь одно из множества решений Конституционного Суда РФ на этот счет.

Так, обсуждая вопрос о конституционности ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ, Конституционный Суд РФ установил, что неопределенность правового регулирования ориентирует правоприменителя (суд) на сугубо формальный подход при рассмотрении дел, связанных с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений. Суд признал норму не противоречащей Конституции РФ, поскольку она направлена на защиту конституционно значимых ценностей и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение пуб-

личных мероприятий. Но при этом Суд подчеркнул, что противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им, в том числе исходя из обстоятельств совершения данного деяния, нетрадиционные сексуальные отношения, - не допускает расширительного понимания установленного ею запрета⁷.

Следующая проблемная ситуация заключается в том, что описание признаков общественной опасности таково, что позволяет правоприменителю по своему усмотрению решать вопрос о том, обладает то или иное деяние признаком уголовной противоправности или же предусмотрено нормами иных отраслей.

В частности, при исследовании вопроса о конституционности уголовно-правовой нормы об ответственности за контрабанду (в прежней редакции ст. 188 УК РФ) Конституционный Суд РФ установил такую неопределенность нормы, которая допускает произвольное определение отраслевой принадлежности проступка. Суд отметил: «Введя в правовое регулирование нормативное положение, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду валюты, которое в силу своей неопределенности не позволяет ограничить преступление от аналогичного ему по объективной стороне административного правонарушения, федеральный законодатель – в нарушение Конституции РФ и международных обязательств РФ – создал возможность произвольного применения этого положения и недопустимой подмены административной ответственности уголовной, что противоречит общепризнанным принципам уголовной ответственности, не согласуется с задачами уголовного законодательства, а также с принципами законности, равенства граждан перед законом и судом, справедливости, гуманизма, и не соответствует предусмотренным им основаниям уголовной ответственности и понятию преступления⁸.

Еще одна проблема связана с неопределенностью вопроса о соотношении уголовного и гражданского права в оценке некоторых актов поведения, прежде всего в экономической сфере (совершение сделок, предпринимательство). Она находит двойное выражение: как в прикрытии преступных деяний гражданско-правовой формой, так и в уголовно-правовом вмешательстве в реальную экономическую деятельность.

В практике Конституционного Суда РФ не было случая, где бы он установил неконституционность предписания уголовного закона

по причине того, что он криминализует допустимое проявление свободы экономической деятельности. Хотя обращения и запросы по этому поводу к нему поступают. В частности, в нескольких своих решениях Конституционный Суд РФ отклонил доводы заявителей о том, что ст. 159 УК РФ (мошенничество) в силу своей неопределенности позволяет привлекать к уголовной ответственности любое лицо, совершившее правомерную гражданско-правовую сделку. Суд подчеркнул, что привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество⁹.

Связана с этим аспектом неопределенности и проблема преюдиционного значения судебного решения по гражданскому делу в рамках разбирательства о совершенном преступлении. Практика противоречащих друг другу судебных актов по гражданскому (арбитражному) и уголовному делу оставила заметны след в отечественной юриспруденции (да и в экономике тоже). Ссылка на наличие вступившего в законную силу решения по гражданскому делу, признающего правомерность сделки, весьма часто выступала средством защиты от уголовного обвинения именно по причине преюдиционного значения судебного акта и требования правовой определенности в ее процессуальном значении. Упорядочению ситуации был призван ряд решений Конституционного Суда РФ, который установил пределы преюдиции. В частности, в

одном из постановлений Суд указал: «В уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу. Так, решение по гражданскому делу, возлагающее гражданско-правовую ответственность на определенное лицо, не может приниматься другим судом по уголовному делу как устанавливающее виновность этого лица в совершении уголовно наказуемого деяния и в этом смысле не имеет для уголовного дела преюдициального значения. Иное являлось бы нарушением конституционных прав гражданина на признание его виновным только по обвинительному приговору суда, а также на рассмотрение его дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом»; «Признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам»¹⁰.

Любое проявление неопределенности в установлении правовой природы деяния, наличия и вида противоправности чревато значительными рисками нарушения конституционных прав граждан, содержание и последствия которых достаточно хорошо известны.

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25)

² Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2004. – С. 192.

³ Шестаков Д.А. Криминология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2006. – С. 147 – 148.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

⁵ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 362.

⁶ Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 257 – 262.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.

⁹ Определения Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 61-О-О и от 25.02.2010 № 252-О-О. Документы официально не опубликованы. [Электронный ресурс]: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 23.08.2017 г.).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 1.